

ха для подводника-атомщика? Только говорите честно.

Э.Д. Тодорич:

— Я всегда стараюсь понять психологическое состояние человека в опасной ситуации. И чувства Месснера мне в общем-то понятны. Но я, как подводник-профессионал, скажу: если бы мы под водой только и занимались тем, что боролись со страхом, то нам просто некогда было бы выполнять свои обязанности. Если думать о страхе постоянно, то можно сойти с ума. У альпиниста Месснера, как вы сказали, была альтернатива: добрался до по-

Цыганков, погибшие во время пожара на ракетной атомной "К-19" в Северной Атлантике. Тысячи подводников выбирали свой путь добровольно... Ну, а что касается страха, то я что-то не помню, чтобы кто-то в нашем экипаже чего-то очень сильно боялся. И клаустрофобией, то есть боязнью закрытых помещений, у нас никто не страдал. Мы психологически были готовы к сложным, чрезвычайным ситуациям. И еще одно очень важное обстоятельство: каждый из нас твердо знал, что рядом стоит надежный товарищ — и он всегда на случай опасности подаст руку помощи.

рую любили, но и свои семьи. Теперь на многое можно смотреть иначе и давать другие оценки, но мы жили и действовали в конкретное время, а его, как говорится, не выбирают...

— Если не секрет: как осуществляется запуск ядерных боевых ракет с подлодки?

В.В. Буринский:

— Если я продиктую вам все необходимые действия экипажа АПЛ по запуску боевых баллистических ракет, то эти записи займут тысячи страниц. Видимо, вы хотите узнать: кто дает на случай военных действий санкцию на пуск ядерных ракет, и кто непосредственно выполняет это на борту подводного ракетносца?

— Да, именно об этом и хочется услышать.

В.В. Буринский:

— Как и на американских ракетносцах стратегического назначения, запуск ракет с ядерными боеголовками осуществляется вовсе не путем нажатия "красной кнопки". Для этого необходимо повернуть два ключа, один из которых находится у командира БЧ-2, а второй — у командира подлодки. Программа полета ракет, записанная на перфоленту, вводится в вычислительный комплекс корабля лишь в период несения боевого дежурства в океане. В остальное время она хранится опечатанной в сейфе командира корабля. Но даже весь экипаж подводного ракетносца не может единолично принять решение о запуске ядерных ракет. Компьютер АПЛ работает только в том случае, если получит закодированный сигнал из ядерного командчика президента страны. ЭВМ сопоставит этот код с тем, что заложен в ее программе, и лишь тогда даст разрешение на предстартовые операции. Теперь командир сможет ввести в систему перфоленту и набрать ряд известных лишь ему одному сигналов, которые вновь проконтролирует на достоверность компьютер. Дальнейшее — дело техники: ЭВМ сама сопоставит местонахождение подводного ракетносца с координатами заданной цели и внесет необходимые поправки. Эта система исключает несанкционированный запуск ракет с борта корабля, если он окажется захваченным террористами. Однако даже командиру подлодки не известно, на какие цели направлены их ядерные ракеты — подобной информацией располагает лишь Генеральный штаб. Современный атомный подводный ракетносец имеет на борту очень грозное оружие. Как показали расчеты экспертов бывшего СССР и США, в ракетных шахтах лишь одной атомной подлодки заключены — в пересчете на тринитротолуол — восемь вторых мировых войн! Достаточно только одного ракетного залпа с борта такой подлодки, чтобы даже на удаленные регионы планеты опустилась "ядерная зима" и с жизнью на Земле было покончено навсегда...

— Уже в эпоху Горбачева, когда начала действовать гласность, 7 апреля 1989 года в Норвежском море погибла с большей частью экипажа наша новейшая атомная подлодка "Комсомолец". Известны ли вам причины этой трагедии?

В.В. Буринский:

— Атомход "Комсомолец" базировался в Западной Лице на побережье Баренцева моря, где служили и мы с Эдуардом Дмитриевичем. Катастрофа произошла от сильнейшего пожара и разрушения прочного корпуса. Достоверные причины гибели "Комсомольца" не установлены до сих пор, так как эта атомная субмарина затонула на глубину 1665 метров, и поэтому она не поднята до сих пор. Потеря этой подлодки была для нашей страны равнозначна потере многоразового космического корабля "Челленджер" для США. Атомход "Комсомолец" был первой в своем роде глубоководной (погружение до 1000 метров) гидрокосмической орбитальной станцией по изучению

научно-технических и океанологических проблем. Этот корабль, опережая наших главных зарубежных конкурентов на 15-20 лет, приближал эру торгового и пассажирского скоростного подводного судостроения...

— Готовясь к этому интервью, я еще раз очень внимательно перечитал книгу Александра Крона "Капитан дальнего плавания" о подводнике Александре Ивановиче Маринеско. Выписал из нее такие цифры. После торпедной атаки подлодки "С-13" под командованием капитана 3-го ранга Маринеско (30 января 1945 года) в Балтийском море был потоплен гигантский лайнер фашистского флота "Вильгельм Густлов", на борту которого находилось свыше 7 тысяч фашистских солдат и офицеров, а также более 3 тысяч опытных подводников, переобученных на новейшие подлодки. Это примерно 70 экипажей. (На "Титанике", как известно, погибло (15 апреля 1912 года) 1502 человека). Чуть позже в том же боевом (январском) походе подлодкой "С-13" был потоплен и большой военный транспорт "Генерал Штойбен" с 3600 фашистскими солдатами и офицерами на борту. За две торпедные атаки была уничтожена целая вражеская дивизия, но за этот выдающийся подвиг А.И. Маринеско был награжден лишь орденом Красного Знамени. (Звание Героя Советского Союза ему было присвоено посмертно только при Горбачеве). После войны подлодка № 1 был оклеветан, осужден и отбывал незаконное тюремное наказание на Колыме. Теперь мой вопрос. Кем был Маринеско для подводников-атомщиков вашего поколения? Как вы лично относитесь к этому человеку?

Э.Д. Тодорич:

— В вашем предисловии к вопросу есть данные о том, что на "Титанике" погибло 1502 человека, а на двух кораблях, потопленных подлодкой "С-13" — более 13600 офицеров, солдат и матросов немецкой армии. Я бы не стал сравнивать эти человеческие потери. Почему? На "Титанике" погибли только мирные люди, а на "Густлове" и "Штойбене" были отличные обученные военные, которые шли убивать нас. Только эти 70 экипажей новейших подлодок могли натворить очень много, послать на дно, образно говоря, не один "Титаник" с мирными пассажирами. Ведь при морской блокаде у немцев был единственный лазунг — "Топи всех!". Как не замалчивалось имя Александра Ивановича Маринеско по указанию самых высоких флотских начальников (видимо от черной зависти и от злобы за его независимый и свободолюбивый характер), он у подводников всех поколений пользовался величайшим уважением. Ведь за всю войну все наши подлодки не потопили столько экипажей подлодок, как одна "С-13". Несправедливость к Маринеско была огромная. И только благодаря всем членам экипажа подлодки "С-13" и писателю Александру Крону (он за это тоже много претерпел) было очищено от грязи имя мужественного командира. Судить ведь надо по делам. Именно за конкретные дела в борьбе с врагом А.И. Маринеско было присвоено звание Героя. Именно за эти две выдающиеся торпедные атаки века его благородные земляки сооружают в Одессе памятник подводнику № 1. Для меня, естественно, командир подлодки Маринеско был и остается непререкаемым авторитетом. Я уважаю и ценю этого человека.

(Окончание в следующем номере).

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

ПОДВОДНИКИ-АТОМЩИКИ НА ЧАЭС

Ныне на Чернобыльской АЭС работает около тридцати бывших подводников-атомщиков, служивших на Северном и Тихоокеанском флотах бывшего СССР. Двоих из них — капитанов 2-го ранга запаса Э.Д. Тодорича и В.В. Буринского — журналист Николай Хриенко попросил ответить на вопросы специально для "Новостей ЧАЭС", начало интервью с которыми было напечатано в № 12.

— Почему такая высокая аварийность на подводных лодках в мире вообще?

Э.Д. Тодорич:

— Причина прежде всего в конструкции подлодки. Ее очень высокая пожаро- и взрывоопасность объясняется тем, что в ней из-за тесноты кислород находится в убийственном соседстве с маслом, электролиты — с соленой водой, регенерация — с соляной. Даже атомный реактор нельзя спрятать далеко от спальных кубриков. Плюс огромное давление воды в глубинах океана на корпус корабля. А еще — торпеды, ракеты, мины, глущинные бомбы, взрывоопасные вещества и газы. Образно говоря, каждая подлодка, несмотря на все новейшие достижения науки и техники, — это пороховой погреб, освещать который приходится горячей свечой.

— Тогда разрешите задать и такой вопрос: за что вы любите именно этот вид атомной боевой техники?

В.В. Буринский:

— За скрытность, полную автономность, неограниченность радиуса действия, сплоченность коллектива. За мощную и умную технику. Кто прошел все фильтры и стал настоящим подводником, тот остается им навсегда...

— В учебнике "Судебная психиатрия" есть такое определение: "Страх — это чувство внутренней напряженности, связанное с ожиданием угрожающих событий". А выдающийся итальянский альпинист Рейнхольд Месснер, который не только поднялся на все 14 восьмитысячников мира, но в августе 1980 года первым совершил одиночное восхождение на Эверест (8848 м) без кислородного прибора, в своей книге "Хрустальный горизонт" пишет: "Моим злейшим врагом на пути к цели является страх. Я очень трусливый человек и, как все трусливые люди, стремлюсь победить свой страх. Победа над страхом делает меня счастливым... Я хочу быть сильнее собственного страха, ради этого я снова и снова иду опасностями...". Альпинизм — это добровольный вид спорта и, если нужно, то можно уклониться от опасности. А что такое чувство стра-

ловини горы, испугался — и повернул назад. А на подлодке у каждого из нас в отдельности не было такой возможности выбора. Я скажу честно, что во время моей службы на подлодках я не встречал в экипажах таких, кто бы открыто выражал чувство страха. Даже молодые матросы. О себе, не хвастаясь, скажу: во время боевой службы я не думал о страхе. Это была суровая мужская работа. Чувство страха... Это уже потом, задним числом можно было позволить себе чего-то испугаться. Это было запоздалое чувство от того, скажем, что лодка проваливалась на опасную глубину — и ее нельзя было остановить... Или наоборот — нужно срочно всплыть для вентиляции задыхавших отсеков, а над нами везде непробиваемый ледяной купол... А вообще я вам скажу, что альпинист Рейнхольд Месснер никогда не покорил бы все самые высокие вершины мира, если бы он действительно был трусливым человеком. Это он в своей книге кокетничает насчет большого страха. Ну что-то вроде художественного приема, что ли...

В.В. Буринский:

— Ничто человеческое подводнику не чуждо. И страх тоже. Это во-первых. А во-вторых, надо сказать и о том, что мы ведь не сразу становились подводниками. В течение пяти лет учебы в училище нас психологически готовили на эти подводные корабли, на эту тяжелую службу. Тренировались тушить пожары в отсеках подлодки, учились выходить в водлазном снаряжении через торпедные аппараты из затонувшего корабля. Плюс морская практика после каждого курса обучения на действующем флоте. И, естественно, среди курсантов был немалый отсев. Уходили те, кто начал бояться будущей службы, кто понял, что профессия подводника не по его натуре. Но те, которые уходили, не говорили о страхе. Причины, естественно, назывались другие. Оставались только те, кто говорил: "Если служить, то только на подлодках. А если на подлодках, то только на атомных. А если на атомных, то только на Северном флоте". Такое решение принял мой однокурсник Володя Шевцов, который потом отдал свою жизнь в борьбе за живучесть атомной подлодки "К-8", ушедшей на дно Атлантического океана. Такое же решение приняли и мой друг детства Сергей Ярчук, сослуживец Лев

— Чем связаны между собой члены экипажа АПЛ во время боевого похода? Какие чувства вызывали мысли о том, что после залпа атомными ракетами с вашей подлодки погибнут миллионы людей? Что придает твердости духа для выполнения этого боевого приказа?

Э.Д. Тодорич:

— Мы были воспитанниками 60-х годов, когда нам постоянно говорили о том, что наш главный противник — США и военный блок НАТО. В то время было жесткое ядерное противостояние. Поскольку я служил на многоцелевой ракетно-торпедной АПЛ, то нашей главной задачей были ядерные удары по чужой территории, а выслеживание и, на случай войны, уничтожение ракетных подлодок противника и его авианосных ударных соединений. Но поскольку мы военных действий не вели, то мы только отслеживали АПЛ противника и передавали добытые о них данные в штаб нашего флота. Этой боевой задачей и был связан каждый экипаж. И на случай военных действий мы должны были выполнить ее до конца согласно принятой военной присяге. Это — главный долг каждого офицера и матроса.

В.В. Буринский:

— Мы знали, что офицеры американских ракетных атомных подлодок с гордостью называли себя "ситикиллерс", то есть "убийцами городов". Каких именно городов — не трудно догадаться: Москвы, Новосибирска, Мурманска, Владивостока, Киева, Одессы... Самых крупных промышленных, научных и административных центров, а также особо важных военных баз и военных объектов. Я служил на ракетной стратегической АПЛ и наши ракеты, естественно, тоже были нацелены на какие-то военные объекты на чужом берегу и на крупные города вероятного противника. Да, на случай боевого пуска ракет ядерными боезарядами и поражения этих целей, погибли бы и мирные жители. Но твердости духа нам придавала уверенность в том, что моя Родина не начнет атомную войну первой. Поэтому мы считали, что пуск ядерных ракет с нашей подлодки будет актом возмездия за атомный удар по нашим городам. Такая уверенность в своей правоте была лично для меня психологической защитой. Далекое в океане, возле чужих берегов мы защищали не только свою Родину, кото-